

В буквальном переводе с английского «трэш» означает мусор. Как жанр трэш — это не просто противопоставление существующей подслащенной действительности, это не просто «неправильность», это «неправильность в кубе». Некоторые называют это искусством, правда, выросшим из пошлости.

К примеру, Верка Сердючка — это изначально трэш. Правда, в нашей стране многие не отличают трэш от действительности, а насмешку от пропаганды. Недавно трэш просочился и на телевидение. «Программа Максимум» на телеканале НТВ регулярно собирает огромные рейтинги. Скандаль, интриги, расследования — главные их темы. О новом жанре телевизионного трэша, о телевидении и свободе слова «Новой» рассказал один из создателей «Программы Максимум» Сергей ЕВДОКИМОВ.

— У нашего телевидения случаются сезонные заболевания. Сначала это были засилье игр, потом сериалов, был период хроники происшествий. Сейчас пришло время «Программы Максимум»?

— Журналистика, и телевидение в том числе, все больше превращается из окна в мир в сферу обслуживания населения, в ремесло. Как следствие меркнет идеальный образ журналиста, который был нарисован той же телекомпанией НТВ, образ борца за идею. Сейчас от того, насколько хорошо выполняешь поставленную перед тобой задачу, собственно, и зависит степень профессионализма. И востребованными оказываются программы, в которых видна реальная журналистская работа.

Не те, где скучным голосом пересказывают давно известные факты, сопровождая это скучной картинкой, а те, где предлагают что-то неожиданное, приносят свежее мясо.

Понятное дело, что аудитории интересны скандалы, интриги, расследования. Потому что жизнь из этого и состоит. «Программа Максимум» уже стала флагом такой журналистики. После ее появления подобные программы стали возникать и на других каналах.

Что касается особенностей подачи, то у нас своеобразный тарантиновский монтаж. Картинка должна как бы «подсаживать» телезрителя. Наша программа рассчитана на активное восприятие и, соответственно, на более современную, мобильную аудиторию, которая может воспринимать этот ритм.

— У этой новой журналистики есть своя идеология?

— Помните, была такая группа — Atty of lovers? Это был пол-трэш проект: женщина с большими грудями, разные фрики... А ведь автором этого проекта был Александр Бард — человек с философским образованием, докторской степенью. Для него это была форма самовыражения.

Несправедливости и жестокости в окружающем мире становится так много, что современный человек уже просто не в силах изменить все общество. Он пытается примириться со сложившимися обстоятельствами, и происходит это зачастую в форме иронии, стёба.

В журналистике то же самое. Трэш — это наша форма примирения с реальностью. С другой стороны, особая, оригинальная форма подачи. Ведь если ты делаешь что-то в такой скандальной, шутовской манере, то тебе никто не будет говорить: «Вот тут надо сказать, что на самом деле детская протипуция — это плохо, но партия «Единая Россия» борется за какие-то там национальные проекты по ее искоренению...». Никому просто это в голову не придет. Мы себя таким образом ограждаем от этого внешнего давления и контроля. Шутки при королях никто не воспринимал всерьез, а между тем они говорили очень умные

которые несут прямую ответственность за то, что происходит в стране (за ограничение свобод, в том числе и свободы слова). При этом они борются за нравственность. Какой парадокс. Сами заставляют уходить свободу слова в «желтую» журналистику (последнее ее прибежище), и сами же эту журналистику критикуют. А трэш в свою очередь, — лакмусовая бумажка, камертон жизни общества. Мы, на самом деле, ставим диагноз. Оказывается, что общество больно всеми болезнями сра-

зу: и паранойя, и истерия. Трэш — это естественная реакция и неприятие такой ситуации. Поскольку мы не можем сами решить проблемы, мы вынуждены смеяться над ними.

— Похоже на истерический смех...

— Пожалуй, да. Как посттравматический синдром. Как будто произошла какая-то катастрофа, и, чтобы не позволить трагедии разложить себя изнутри, ты отделиваешься шуткой. Как будто это несерьезно, не вразумно.



Шеф-редактор «Программы Максимум» Сергей ЕВДОКИМОВ:

«Трэш сейчас — самое умное телевидение и самая свободная его форма, которая возможна»

Дядя стёба

вещи. На самом деле трэш сейчас — это умное телевидение и чуть ли не самая свободная его форма, которая возможна.

— Что заставило канал, прославившийся качеством журналистской работы, переключиться на «желтую» тематику? Получение дополнительной прибыли — это единственная цель?

— Прибыль, конечно, является основной целью канала. Это ведь коммерческое предприятие. Вот если бы телевидение было общественным, тогда, ради бога, можно и без трэша обойтись! Скандальные программы и размещенная в них реклама приносят каналу деньги, которые он может тратить на содержание той же информационной службы. А это, извините, общественная функция, с которой никто не будет спорить.

— А почему «мусор» стал так популярен у аудитории именно сейчас? Раньше не было спроса, потому что не было предложения?

— Трэш — это новый жанр, который СМИ сейчас активно используют. Мы постепенно осваиваем западный опыт. Когда-то появился infotainment — легкая, затейливая манера подачи информации. В этом формате работала программа «Намедни». Но происходит развитие жанра. В какой-то мере это новый тренд: никто на телевидении до «Программы Максимум» не занимался скандалами, интригами, расследованиями. Следующий этап — взлет «желтой» журналистики. Но он возник неслучайно.

Когда начали сильно закручивать гайки в области политической журналистики, естественно, вся свобода слова стала приобретать желтый оттенок. А в закручивании гаек нужно упрекать прежде всего товарищей из Госдумы,

— А вы не думали, что, смеясь над реальными проблемами, снижаете их значимость? Вроде как посмеялись — и волноваться нечего, и делать ничего не надо.

— Мы на самом деле поднимаем очень серьезные и важные вопросы.

— Но вы рассматриваете их под другим углом, скандальным.

— Скандал нужен для того, чтобы на проблему обратили внимание. Сейчас никому ни до чего нет дела. Потому что, если мы устроим какие-нибудь дебаты, на это никто не обратит внимания. А после многих проблемных сюжетов в «Программе Максимум» были предприняты конкретные действия.

Был, к примеру, сюжет про детские дома, в которых содержатся умственно отсталые дети. Так эта история наделала столько шума, что после нее Генпрокуратура устроила проверки всех муниципальных государственных детских домов на предмет выявления тех нарушений, о которых мы говорили.

По педофильскому скандалу с депутатом «Единой России» были приняты меры только после сюжета на эту тему. Этот человек долго прикрывался своим служебным положением, но, когда мы вскрыли этот вольтырь

роса? Или просто не воспримет содержание, завернутое в такую пеструю упаковку, всерьез?

— Я считаю, что уж телевидение в этом точно не виновато. Если человек над этим смеется — значит, он дурак. Если он начинает об этом думать — значит, он умный. Мы всего лишь привлекаем внимание к проблеме. И пытаемся это сделать по-современному. У нас нет задачи обмануть зрителя. Я, например, телевизор почти не смотрю. То есть смотрю какие-то вещи исключительно для того, чтобы знать, каково положение дел в моей профессиональной сфере.

Если вы смотрите телевизор больше часа в день, значит, в вашей жизни что-то не так. У нас, слава богу, есть выбор. Ты сам решаешь, деградируешь ли ты вместе со всеми остальными или пытаешься бороться за цельность собственного «я». И я призываю максимально сократить присутствие телевидения в вашей жизни. Телевидение — это низкий жанр. Это гладиаторские бои, развлечения для бедных. Активным людям некогда смотреть ТВ, они заняты делом — семьей, домом, карьерой.

— Недавно обвинения в имморализме поступили со стороны Совета Федерации в адрес создателей «Программы Максимум». Как вы считаете, эти обвинения обоснованны?

— Не знаю. Наверное, им надо как-то бороться за нравственность. А поскольку эти люди не могут бороться за нее в самих себе (не могут отказаться от своих «Мерседесов», джакузи и т.д.), они решают бороться за нравственность вовне. «А кто у нас крайний? А вот они там показывают мальчиков-маугли и теток в нижнем белье. Вот с ними и будем бороться». Лицемерие, двойной русский стандарт.

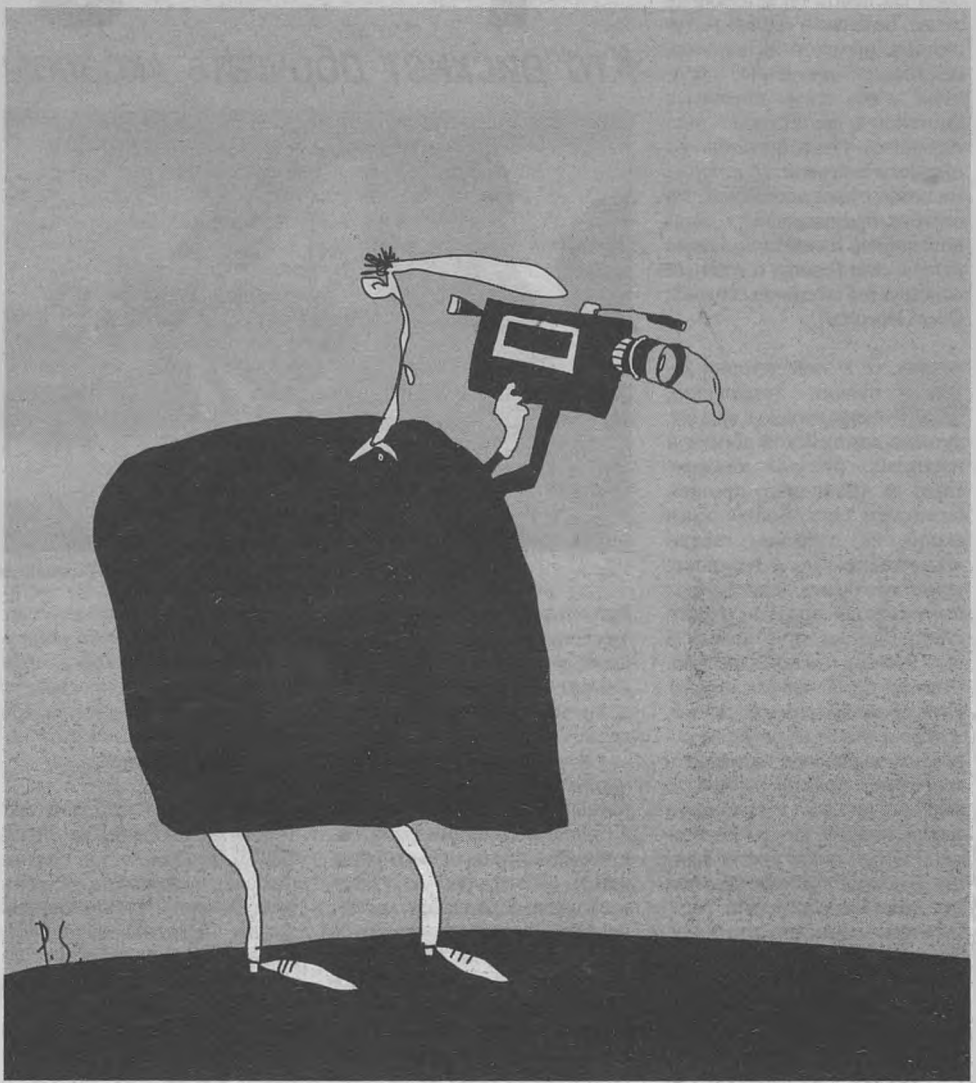
— Может, все же стоит на ТВ ввести возрастной ценз на трэш или хотя бы убрать из прайм-тайма?

— Оградить детей от телевидения — задача взрослых, родителей. А с другой стороны, дети — это будущие взрослые, они должны узнавать, как устроена жизнь. Психика травмируется в семье. Пьянство в семье и отсутствие внимания к ребенку — вот что травмирует психику, а не телевидение.

— Кроме как в профессии, в частной жизни вы тоже сторонник трэша?

— Не скажу, что это трэш, но некоторые его элементы в моей жизни есть. Например, ирония и склонность к парадоксам. Парадокс — это единственная форма, позволяющая примирить противоречия в себе. Собственно, трэш является такой парадоксальной формой журналистики, которая может сочетать одновременно жестокость, трагедию и комедию окружающего мира. А вообще мировоззрение нужно формировать не по телевизионному материалу, а по собственному жизненному опыту, прочитанным книгам. Смотря ТВ, ты просто лежишь и тупеешь. Особенно отупляюще действуют итоговые программы. Когда в принципе понимаешь, что тебе навязывают какую-то точку зрения, но уже ни на что не реагируешь. А трэш — это информационный калейдоскоп, это мозаичная картина мира, сборная солянка, где есть и слезы, и кровь, и смешное, и трагичное.

● Беседовала Елена ПОТАПОВА



Если вы смотрите телевизор больше часа в день, значит, в вашей жизни что-то не так

(показали все наглядно, привели все доказательства), его осудили и отправили в колонию. Да, это было подано в яркой, провокационной форме. Но дало же реальный результат!

— А нет опасения, что будет обратный эффект? Что человек посмеется, не разглядев сути воп-